

Василь Стус

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Стихи

**С украинского.
Перевод
и вступительное слово
Л. Беринского**

Передо мной — чудом убереженная в скитаниях малоформатная газетка «Комсомолец Донбасса» за 4 декабря 1962 года с литстраницей, где объявлен итог творческого конкурса в клубе молодых литераторов. «На третьей ступеньке,— точно о штангистах каких говорится во врезке,— оказались тоже двое — Василий Стус (стихотворение «Зореплавлю») и Василий Захарченко (рассказ-эпю «Гіркий тютюн»). «Тоже двое» — это потому, что первое место поделили сразу три стихотворца, и среди них учитель музыки Лев Беринский. Мы посмеялись тогда над «местами», мы — это Дима Надеждин, Слава Касьянов, Лена Юдковская, Василь, нечасто, впрочем, смеявшийся... Тогда зима была грязная, гнилостная. Бесприютно слоняясь по вечерним улицам, я посвятил ему, Василю, стихи-грезу: «Когда весна накатит с Гуляйполя, проснется в конях вольный бег махновский...» Навигалась кампания борьбы с абстракционизмом. Гомулка настоятельно разрешил евреям покидать Польшу, о чем правоверные писатели Донецка, недавно еще Сталино, по многу раз мне рассказывали, глядя прямо в глаза. Начали очищать наш клуб от скверны и накипи, нашелся, разумеется, и свой, тутошний абстракционист (и пришлось мне, помешав до апреля, бежать — критики разразились в прессе доносами). Идеологический чин с неслучайной, должно быть, фамилией Подкорытов обхочатывался,

вызывая нас по одному в свой обкомовский кабинет и повторяя каждому шедевр хрущевского остроумия: «Господин Вознесенский». Писатель Г. сказал с трибуны: «Ты, Стус, плохо кончиши со своими хохлатыми коцюбинскими и пархатыми паsterнаками!» Василь крепко взял меня за руку: «Промолчи». Он был опытней, а может быть, раньше меня разглядел сидящих вразброс по рядам парняг со слишком уж аккуратной, не поэтической стрижкой. По вечерам заходил иногда, присаживался: «Сыграй, Лев, что-нибудь». Поскрипывала третья педаль — экзотический модератор старомодного «Шредера». Гость молчал, глядя в окошко глинобитной нашей хатенки, всматриваясь во тьму, в предлежащий ему победный мученический Путь. Он любил Горация, Шевченко, Габриеллу Мистраль... Василь Стус умер в тюремном карцере. Всю ночь, не включая света, я плакал, услыхав эту новость по чужому, не нашему радио. Оплакивал и других — уехавших или оставшихся, спившихся или ушедших кто в машины и дачи, кто в профессиональное бунтарство. кто, чтоб не быть отлученным от Слова, в переводе с зулусского или переложение маршей далеких прогрессивных Движений. Поэт Стус оказался неубиваемым: он потерял оболочку, но жив его Дух, его Совесть. Его сладостный сон о Свободе. Василь, га-га, тот самый Василь — гордость украинской поэзии... Умиротворясь же в просторах Вселенной, светлый контур, встающий из памяти, голос из юности.

* * *

Сосна, как мачта, выплыла из ночи.
Груди коснулась, как вода —
весла
и уст — слова. И память лет
снесла
всю напрочь, как волну. И грезы —
в клочья.

В ночи, как мачта, выплыла сосна.
И осветились дали ясной болью.
Боль — половодьем затопила волю,
и лишь дорога терном поросла.

Сосна растет из ночи. Стая птиц
взметнет София. Благостью повеет.
И галактический Киев бронзовеет
в мерцанье ликов, сих пугливых
лиц.

Сосна плывет из ночи и растет,
как парус, как ветрило ожиданья.
Но сам ты — по ту сторону,
за гранью,
лишь окоем в глазах твоих качнет.

Там — Украина. За межою. Там,
левее сердца. Боль не убывает.
Сосна в ночи, как мачта, уплывает,
и слышен шепот Бога: аз воздам!

1972

* * *

Блажен, кто щедрым быть умеет,
когда приходит час расплат,
в нем клад надежды не скучеет,
но умножается стократ.
Твой белый свет — он вечно
белый
он тот же милый, он все тот,
хоть ты и сын его несмелый,
хоть бьет тебя цыганский пот.

Пусть. Бытие твое — в полете.
Полет — спасенье, выбор твой.
Суть, сущность вся твоя —
в поэте,
а остальное — перегной,
вспитавший корень... Золотеет
под осень яблоневый сад.
Блажен, кто щедрым быть умеет,
когда приходит час расплат.

* * *

Я так и слышу: хлопают каштаны,
зеленых почек щелканье вразброд,
и рядом, вот он — киевский, нежданный,
весенний, гулкий, терпкий небосвод.
Я так и вижу: буйно лезут травы,
сверкая, отжурчали ручейки,
и Украина, песнь лебяжьей Славы —
на сына смотрит вдали из-под руки.
Неужто же апрель? Скворцы? И хлопот
невпроворот в гнездовьях? И уже
не крик и стон вокруг, а горний клекот
лебяжьих стай?.. Но чей же это шепот
на вороненом изошел ноже?

1972

* * *

В себе окликни льва — и осознай
безмерность стен и зла неизмеримость,
и страсти замурованной — как милость —
бурлить, под слоем льда вскипая, дай.
В себе окликни льва — и возжелай:
пусть, хлынув, рев окрестности окатит
и, осветив, забор огнем охватит,
и бросит душу в фееричный гай,
где сад надежд — как тот чертополох,
как шпичаки¹, репы в колючках зноя,
где годы — сожжены, лежат стернею,
где угрызенья — нападут врасплох,
как стая злых гиен, скуля с тоски,
оттачивая на тебе клыки.
В себе окликни льва, ошелевай
меж стенами, решетками, замками,
вселенная, расцветши шпичаками,
стоит — в колючей проволоке рай...

* * *

Последние исчезли упованья,
и ты — свободный, вольный наконец!
Так поспеши, идя в самоизгнанье,
предай огню звенящий свод страниц,
стихи сожги, спали всю душу — спалишь
чистейшей боли горний свет из мглы,
тогда — изволь, сам без вести отчалишь,
бездомного обувши постолы.
Что завтра будет? Даст Бог дней и хлеба.
А что, коли не будет завтра? Брось...
Тогда и гибни — глянь украдкой в небо
и направляйся к смерти на авось.

* * *

Даждь нам, Боже, днесь! Не завтра — ныне!
Даждь нам днесь, мой Боже! Даждь нам днесь!
Гаснут очаги на Украине.
Гаснет, меркнет, догорает весь
край Украины. Путь мой догорает.
Жаждой покороблена душа.
В час, когда Господь нас вспоминает,
боль моя, пляши без кунтуша²!

III 1969

* * *

Сто лет прошло, как пала Сечь.
Сибирь. Иль Соловецкий округ.
И ночь спешит собой облечь
сей ад, и крик в аду, и окрик.

Сто лет надежд. Столетний стон
сынов, охваченных любовью,
как пламенем. Тавренных кровью.
О, сто сердец как сто пламен!

¹ Шипы, колючки, иглы (у растений).² Род верхней мужской одежды.

Из лапотников, из репья
и куреней, и хат — за тыны
рабы выходят в сыновья
родительницы-Украины.

Нет, ты не сгинешь! Ты сильней
душителей, судьбы — веками
твоих душившей сыновей
сибирями и соловками.

Растерзана, куда ни глянь,
еще охрипшая от боли,

VI. 1963

земля, ты выпростала длань,
уже протянутую к воле.

Твой гнев созрел, земля. Теперь
вовек не знать тебе покоя,
а гневу — зреть и впредь,
доколе
тюремная не рухнет дверь...

...И громыхает бури гром,
и с неба падают зарницы
или пророческие птицы —
слова Тараса над Днепром.

Гневись, душа. Во гневе трепещи.
В пурге белесой — солнце Украины.
А ты ищи червонный цвет калины
на черных водах — тень ее ищи
там, где нас горстка собралась, щепоть
молящихся, ведомых в смерть соборно:
ведь кровь калины так же непокорна,
как в наших венах, жгущих терпко плоть.
Белесый вихрь стенаний, колоброда!
Пусть гроздья боли, в вечность, вниз срываюсь,
горят, на черных водах отражаясь.

* * *

Боль — алкоголь агоний. Жалость
вся вымерзла, суха как хруст.
Перепечатывайте ярость
и переписывайте грусть.
Что жизнь? — давно забыты лица
и свет, и ты в людской судьбе,

а в собственное тело вжиться
дано лишь тем, кто не в себе.
Но ты живи, покуда дышишь,
среди проклятий сатаней,
умрешь — свои шаги услышишь
над сивой головой своей.

* * *

Лишь время здесь имеет совесть:
течет, уходит, как Днепро.
Как знать: во зло или добро —
но неизвестность, наша повесть,
спешит к концу. Тому и быть.

А умереть тут или жить —
нам все одно теперь, ей-богу.
Ты или он. В ночь или днем —
а на чужбине все помрем,
не выйдя к отчemu порогу.

* * *

— Хватит крови! — продекламировал кат,
когда еще нож, загнанный мне под ребра,
торчал в спине.
А я подумал, от боли скривясь:
что, как он примется
еще и лечить меня?

* * *

Воспоминанья — прочь с очей.
На лицах — скорбь. Из уст —
молебен, колкий мрак ночей,
глухой сорохоуст.
Где пруд — там вброд,
у скал — гуськом,

стена — нырком под ней
пройдем мы лабиринтом бед
до самых судных дней,
где месть или награда ждет —
пречестна и чиста —
за наш приход и наш уход
под бременем креста.

* * *

Как лебедица раскрылила
тонкоголосых две руки,
губами белыми прильнула
к щеке, почуявш лед щеки,
слезою темень пронизала,
вся как в бреду, сгорая в нем,

и тихо удаляться стала...
Горя антоновым огнем,
оглох, ослеп и, взгляд вперяя,
одно лишь понял я: теперь
тебя навеки я теряю —
вот только выведут за дверь...

* * *

От доли удалиться — не далось.
Ударил гром — и сразу вкривь и вкось
вся жизнь. И сон осталось досмотреть
про смертобытие и жизнесмерть.
Так испытай, как золото, на пробу
друзей своих, любимых и детей:
пройдут ли через сто твоих смертей
вслед за тобой? Не дрогнет ли с озноубу
родное сердце? Образ воссоздать
сумеют ли? О, если б это знать...
Отчаянная пролегла дорога
отверженных. Свет — на семи ветрах.
Ты одолела, Доля, слава Богу.
Свирепый ветер. Лай. Поджавши ногу,
ничком, трусливо уползает страх.

Послесловие

Высокий, худощавый, с крутым подбородком и орлиным носом, Василь Стус казался одним из современных героев той легендарной, бунтующей Украины, о которой нынешние поколения имеют весьма смутное представление — запорожцы, гайдамаки, опришки...

Литературная среда Украины 60-х годов при всей «оттепельской» либеральности не особенно радушно — по причине его упрямства и бескомпромиссности — принимала донбасского украинского поэта. Может, он попал в Киев слишком поздно, поступив в аспирантуру Института литературы АН УССР лишь в 1963 году, — к этому времени «шестидесятники» уже три-четыре года как оказались в обойме избранных. На Украине наступали тяжелые времена. Я поступил в аспирантуру на год позже, приехав из Ленинграда, и вводил меня в курс литературной жизни товарищ по общежитию и по аспирантуре, он.

Через год Василя исключили из аспирантуры за выступление, в котором он клеймил продолжающиеся аресты интеллигенции на Украине. В течение нескольких лет мы еще поддерживали тесные дружеские отношения, но времена становились все более жесткими, а он уходил все дальше и дальше в политическую борьбу, откровенно противостоя реакции и национальному угнетению на Украине. Я же пытался удержаться на поверхности. Время судит нас всех, каждый себя отдельно.

Поэзия Василя Стуса еще не видна сегодня из-за сине-желтых национальных украинских знамен, не слышна из-за громких слов и национальных гимнов. Но она стала

чем-то качественно новым в украинской литературе. Это, наконец, новый ее шаг, хотя и оплаченный такой трагической, такой дорогой ценой.

Если в первый период творчества связь Стуса с реальным миром, с реальным Киевом и его литературной жизнью как-то ощущается в ткани самого стиха, то чем дальше он уходил по своей дороге, тем более углубленными в поиски самой сущности бытия становились его стихи, тем сильнее в них экзистенциальное ощущение рубежности и переходности жизни, осмысление вечных истин на уровне тех категорий, которые не исчезают и не меняются со временем.

Поэзия Василя Стуса выходит далеко за границы того экспериментального бунтарства, той, к сожалению, нередко дилетантской интеллектуализации стиха, которая была характерна для многих его ровесников.

По-блоковски холодноват и отточен его стих. Природный украинский романтизм и сентимент укрупнен. Дисциплина слова, лаконизм выражения и одновременно широчайший словаря, постоянно обогащающийся,— вот путь поэзии Стуса. Лишенная вычурности и нарочитости, его поэзия в чем-то даже аскетична, и в этом смысле она непривычна для украинского литературного контекста так же, как и предельная концентрация его метафоричности, переплавленной в горниле тягчайших испытаний, горечи и боли. Эта метафоричность пробивается в архетипичность национального сознания: национальное органично, а не орнаментально.

В его письмах вырастает человек, сосредоточивший всю свою волю и силу духа на самообразовании, на творческой работе во имя Поэзии. Василь Стус изучил в лагере французский и английский, владея уже немецким; переводил Верлена и Рембо, Киплинга и Бодлера и, конечно, немцев — лирического Рильке и величественного Гете и многих других. И ненасытная работа над книгой, огромное количество проработанной литературы — Камю и Сартр, Т. де Шарден и Дж. Фрезер, Гете и письма Пушкина, Достоевский и К. Леви-Стросс и многое другое. Любимые поэты — Пастернак, Рильке и Цвейга.

Поэзия Василя Стуса еще на пути и к широкому украинскому читателю, и к русскому. За рубежом его знают значительно лучше.

Сейчас он возвращается домой.

Ю. ПОКАЛЬЧУК